

Г. М. ПОЛОТОВСКИЙ (Нижний Новгород)

**КТО БЫЛ ОТЦОМ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЛОБАЧЕВСКОГО?
(По книге Д. А. Гудкова «Н. И. Лобачевский. Загадки биографии»*)**

Хорошо известно, что биография Николая Ивановича Лобачевского делится на два периода: нижегородский (1792—1802) и казанский (1802—1856). Известно также, что нижегородский период содержит много неясностей и загадок. Напомню, что точные дата и место рождения Н. И. Лобачевского были установлены лишь в 1929 г. старшим архивариусом Нижней архивной комиссии И. И. Вишневским, причем они стали общепризнанными далеко не сразу (см., например, рецензию П. С. Александрова [1]), а лишь после фундаментальной статьи академика А. А. Андронова [2], подготовленной к печати Н. И. Приваловой** и опубликованной в 1956 г., уже после смерти Андронова. И хотя кроме И. И. Вишневского и группы А. А. Андронова серьезные архивные исследования провели в 1942—1948 гг. Л. Б. Модзалевский (см. [4]) и в 1956—1988 гг. Б. В. Федоренко (см. [5, 6]), на многие вопросы — о происхождении Н. И. Лобачевского, об имущественном положении и культурном облике его родителей и т. д. — так и не были получены ясные ответы.

Замечательный математик, один из крупнейших специалистов по первой части 16-й проблемы Гильберта, профессор Нижегородского университета Дмитрий Андреевич Гудков***, стремясь завершить исследования А. А. Андронова и «дать правдивую картину детства» Н. И. Лобачевского, предпринял в 1986—1992 гг. новое архивное исследование, по результатам которого он написал указанную в подзаголовке этой статьи книгу. Несомненно, Дмитрий Андреевич сам написал бы о своей работе для ВИЕТ, однако, к несчастью, вскоре после сдачи рукописи книги в издательство он скончался. Будучи одним из учеников Д. А. Гудкова и соредактором этой книги, я взял на себя смелость рассказать об основных его выводах.

Книга Д. А. Гудкова «Н. И. Лобачевский. Загадки биографии» состоит из трех примерно равных по объему частей: авторского текста (предисловие, введение и 15 небольших глав), приложения 1, содержащего копии 94 документов с некоторыми комментариями, и приложения 2, содержащего документ № 95 — воспоминания о Н. И. Лобачевском его сына Николая Николаевича. Более 20 документов выявлены Д. А. Гудковым и сотрудничавшими с ним работниками Госархива Нижегородской области Н. В. Анохиной и Б. М. Пудаловым; эти и многие другие документы публикуются впервые, в том числе очень интересный даже с литературной точки зрения документ № 95; наконец, более 10 документов впервые приводятся в точных копиях и полностью.

В предисловии Д. А. Гудков кратко приводит свои выводы: «...на основе анализа большого архивного материала и литературных источников, по моему мнению, убедительно устанавливаются следующие факты биографии Н. И. Лобачевского:

* Книга Д. А. Гудкова выходит в Издательстве Нижегородского университета. Ее можно заказать по адресу: 603600, Нижний Новгород, ГСП-20, проспект Гагарина, 23. Издательство ННГУ.

** Надежда Ивановна Привалова — сотрудник группы А. А. Андронова, занимавшейся изучением биографии Н. И. Лобачевского, автор работы [3].

*** О Д. А. Гудкове и его математических работах см. [7].

1. ...П. А. и И. М. (т. е. Прасковья Александровна, мать Николая Ивановича, и Иван Максимович. — Г. П.) Лобачевские были в фактическом разводе с 1791 года.

2. Доказано, что И. М. Лобачевский не был обер-офицером и не служил землемером. Это важно, так как Н. И. Лобачевский многократно писал, что его отец был обер-офицером, и, по-видимому, говорил, что его отец был землемером... в то время как С. С. Шебаршин был уездным землемером и обер-офицером (капитаном).

3. Доказано, что Николай Иванович Лобачевский и два его брата — Александр и Алексей — были сыновьями макарьевского землемера и капитана С. С. Шебаршина и П. А. Лобачевской (курсив мой. — Г. П.).

4. Семья П. А. Лобачевской и С. С. Шебаршина в 1791—1797 годах была за-житочной, вполне обеспеченной...

5. Разъяснены некоторые загадочные факты о дворовых С. С. Шебаршина и П. А. Лобачевской, а также о векселях С. С. Шебаршина, приобретенных П. А. Лобачевской.

6. Точно установлено, у каких домовладельцев жил на квартире И. М. Лобачевский в 1788—1795 годах (кроме 1791 года). При этом исправлены некоторые ошибки предыдущих исследователей биографии Н. И. Лобачевского».

На мой взгляд, центральное место занимает третий вывод, а остальные так или иначе связаны с ним. По этому поводу Д. А. Гудков пишет: «Когда читашь... документы и особенно метрику Алексея Ивановича Лобачевского, то сразу возникает предположение, что он сын Сергея Степановича Шебаршина. Мы видели, что все нижегородские исследователи биографии Н. И. Лобачевского приходили к этому выводу: И. И. Вишневский, А. А. Андронов и Н. И. Привалова... Однако не нижегородские исследователи относятся к этому выводу скептически... Я думаю, что здесь есть две причины.

Первая... если признать, что отцом Алексея Ивановича является С. С. Шебаршин, то сразу же возникает аналогичный вопрос об остальных братьях. Но тут может подняться “крик беотийцев” — история повторяется. (Далее Д. А. Гудков напоминает, что К. Ф. Гаусс ничего не публиковал по неевклидовой геометрии, опасаясь “крика беотийцев”. — Г. П.)

Вторая причина заключается в том, что большинство документов, относящихся к загадке... не было опубликовано. Не были известны личные мнения И. И. Вишневского и А. А. Андронова, опускалась публикация метрики Алексея Ивановича Лобачевского»*.

Напомню, что И. И. Вишневский ничего не напечатал о своих находках и выводах. (Результаты его исследований без ссылок на автора опубликовал в газетной заметке [8] научный сотрудник Нижнекрайархбюро С. И. Богодин. См. также [4, с. 666].) В связи с этим представляет интерес впервые публикуемое Д. А. Гудковым письмо И. И. Вишневского В. Д. Бонч-Бруевичу от 12 декабря 1929 г. Вот фрагмент этого письма:

«...утром ко мне заявил научный сотрудник нашего крайархбюро Богодин (работает в Истпарте) и передал две связки бумаг и книг, отобранных им на Мытном рынке и в сторожке Алексеевской церкви. Перебирая быстро предъявленный архматериал, я остановился на книге с 1782 по 1803 год, в которой оказались исповедные росписи** и метрические записи. Просматриваю исповедные росписи и нахожу запись 1799 г. матери Лобачевского и всех ее сыновей как

* Здесь Д. А. Гудков имеет в виду книги [4] и [6]. У А. А. Андронова эта метрика опубликована (см. [2], с. 27—28).

** Что такое «церковные исповедные росписи» подробно описано в [2] и [6], а также в книге Д. А. Гудкова. Ограничусь пояснением, что при изучении биографии Н. И. Лобачевского они играют роль ежегодных переписей населения. Записи в них велись по домовладениям, и они содержали следующие сведения: имя, возраст, социальное положение и отношение к домовладельцу всех прихожан данной церкви, «от престарелых и средовечных до сущаго младенца» ([9], т. 6, с. 114—115).

“воспитанников” землемера Шебаршина. По закону 1744 года слово “воспитанник” равнялось незаконнорожденному, что и было мной твердо установлено дальнейшими записями в исповедных росписях и метриках, причем год рождения сына Николая оказался 20 ноября 1792 года, а не 22 октября 1793 года, как почему-то считалось. Сделал я шуму, забегал заведующий ...»

Приведу фрагменты также впервые публикуемого Д. А. Гудковым письма А. А. Андronова И. Л. Андронникову от 18 мая 1948 г.: «Нельзя объективно рассказать о детстве великого математика, не решив вопрос о родственных отношениях трех людей, с ним связанных — Прасковьи Александровны Лобачевской (его матери), Сергея Степановича Шебаршина (человека, в доме которого он родился и провел первые годы своей жизни) и Ивана Максимовича Лобачевского, его юридического отца» (курсив мой. — Г. П.). Далее Андronов формулирует «некоторые естественно возникающие вопросы» : «Какова ее (П. А. Лобачевской. — Г. П.) девичья фамилия?* Как ей удалось третьего сына Алексея, записанного... в качестве приемыша... С. С. Шебаршина, сделать Алексеем Ивановичем Лобачевским? и т. д., и т. д... Где он (И. М. Лобачевский. — Г. П.) живет и работает, когда П. А. Лобачевская с детьми уезжает в Казань? Когда и где он умер?* и т. д., и т. д.» Наконец, А. А. Андronов пишет: «Биографии великих русских учёных... пока не изучались с той тщательностью, которая была внесена в последние десятилетия в биографии большинства русских великих писателей... Я думаю, что некоторые из этих биографий столь же поучительны».

Обратимся теперь непосредственно к заголовку этой статьи — основному вопросу книги Гудкова.

Сначала Д. А. Гудков знакомит читателя с позицией Б. В. Федоренко: «В своих обширных примечаниях (к книге [6]**. — Г. П.) Б. В. Федоренко отстаивает следующую позицию: семья И. М. и П. А. Лобачевских с 1789 по 1795 год (по крайней мере) жила (с сыновьями) в Сретенском приходе Н. Новгорода, а С. С. Шебаршин с 1792 года до своей смерти в 1797 году жил в Александровском приходе Н. Новгорода. Братья Лобачевские — Александр, Николай и Алексей — являются сыновьями И. М. Лобачевского. Этого же мнения придерживался Л. Б. Модзалевский». Затем Д. А. Гудков перечисляет предположения, которые выдвигает Федоренко, чтобы обойти известные трудности своей позиции, называя эти предположения «гипотезами Федоренко»:

«Во-первых, Прасковья Александровна Лобачевская исповедовалась в 1792—1795 годах в Сретенской церкви Н. Новгорода с И. М. Лобачевским. Одновременно с С. С. Шебаршиным в Алексеевском приходе исповедовалась его соседка*** Прасковья Александровна. Первая гипотеза Федоренко состоит в том, что это две различные женщины. “Гипотеза о двух Прасковьях” [6, с. 294].

Во-вторых, в 1799—1802 годах при исповедях П. А. Лобачевской в Алексеевской церкви Н. Новгорода сыновья ее записывались как “воспитанники”**** умершего С. С. Шебаршина, тогда как И. М. Лобачевский в это время был жив. Вторая гипотеза состоит в том, что эти записи возникли по ошибке священнослужителя.

В-третьих, ряд лет дворовые П. А. Лобачевской чисились по исповедным

* Этот вопрос еще ждет своего решения.

** Здесь и далее номера ссылок изменены в соответствии со списком литературы в конце настоящей статьи.

*** По принятой в исповедных росписях терминологии “сосед” означало “квартирант, проживающий в другом доме того же домовладельца”.

**** Напомню, что, как указывал еще И. И. Вишневский, «воспитанник» и «приемыш» означали в то время «незаконнорожденный ребенок». В подтверждение этому Д. А. Гудков приводит выписки из соответствующих указов 1744 и 1746 гг. (см. [9], т. 12, с. 141—144, 191—192, 619—623).

росписям дворовыми С. С. Шебаршина. <...> Третья гипотеза состоит в том, что это произошло по ошибке дьячка [6, с. 298].

В-четвертых, после смерти С. С. Шебаршина у П. А. Лобачевской имелось три векселя (на общую сумму 1870 рублей), выданных С. С. Шебаршиным. Н. И. Привалова считала, что эти три векселя были "безденежные" и имели целью передачу Прасковье Александровне наследства С. С. Шебаршина. Четвертая гипотеза Федоренко состоит в том, что эти векселя денежные и что С. С. Шебаршин, не оплатив их, ввел П. А. Лобачевскую в убыток на сумму 1340 рублей [6, с. 292].

В-пятых, в метрике Алексея Ивановича Лобачевского записано*: "Макарьевского землемера Сергея Степановича Шебаршина приимыш Алексей. Воспитанник его Александр Иванов". Пятая "гипотеза" состоит в том, что Б. В. Федоренко умолчал об этом факте».

Проиллюстрирую на примере «гипотезы о двух Прасковьях», как Д. А. Гудков опровергает предположения Федоренко. Для краткости Прасковью Александровну, исповедавшуюся в Алексеевской церкви, буду называть «соседкой», а исповедавшуюся в Сретенской церкви — «подлинной П. А.».

Гудков анализирует все аргументы Федоренко, первый из которых состоит в том, что в исповедных росписях муж «соседки», Иван Максимов, значится в должности регистратора Казенной палаты (см. [10, л. 42 об.] или [2, с. 34]), а должность Ивана Максимова в метрике Николая — регистратор Наместнического правления (см. [10, л. 120] или [2, с. 27—28; 4, с. 35; 6, с. 20]). Гудков показывает, что в 1792 г., к которому относятся оба документа, И. М. Лобачевский не занимал ни ту, ни другую должности. Кроме этого, он замечает, что Казенная палата была в составе Наместнического правления. Наконец, исследователь указывает, что, как отмечал А. А. Андронов, «другого регистратора Ивана Максимова, кроме И. М. Лобачевского, нам не встречалось, хотя просмотрено много тысяч единиц хранения» [11, л. 33].

Второй аргумент Б. В. Федоренко — «соседка» на несколько лет старше «подлинной П. А.» — Д. А. Гудков опровергает многочисленными примерами в исповедных росписях. Так, в 1800 г. заведомо «одна и та же» П. А. Лобачевская на исповеди в Сретенской церкви указала возраст 32 года (см. [12, л. 105 об.]; фрагмент документа см. в [2, с. 38]), а в Алексеевской церкви — 36 лет (см. [10, л. 83] или [2, с. 36]); на самом деле ей было в это время 35 лет.

Третий аргумент Федоренко сводится к тому, что прихожанин не может в один и тот же год исповедоваться в двух разных приходах, так как это означало бы, что он «и проживает одновременно в разных домовладениях» [6, с. 294]. Гудков пишет: «Этот аргумент опровергла сама П. А. Лобачевская еще в 1800 году...» (см. предыдущий абзац).

«Я пришел к выводу, что мы имеем дело с одной и той же Прасковьей Александровной Лобачевской», — говорит далее Гудков. Из его аргументов я приведу здесь следующие:

а) «всегда, с 1793 до 1799 года, когда дворовые П. А. Лобачевской исповедовались в Алексеевской или Сретенской церкви, они записаны как дворовые С. С. Шебаршина... Ситуация совершенно необъяснимая». (Если считать, что «соседка» и «подлинная П. А.» — разные люди. — Г. П.);

б) «факт крещения всех трех сыновей П. А. Лобачевской в Алексеевской церкви... Отсюда еще следует, что П. А. Лобачевская жила там (т. е. в домовладении С. С. Шебаршина. — Г. П.) и в августе 1791 года, когда родился сын Александр» (см. [10, л. 118 об.]);

в) «П. А. Лобачевская не жила в доме Е. А. Аверкиева** в 1792—1795 го-

* См. [10, л. 125] или [2, с. 27—28].

** Егор Алексеевич Аверкиев (1757—1824) — «Казенной палаты коллежский асессор, губернский казначей», возможно, дядя П. А. Лобачевской. В его доме в Сретенском (Тихоновском) приходе Нижнего Новгорода в 1792—1795 гг. жил И. М. Лобачевский.

дах», поскольку «при исповедях И. М. Лобачевского и П. А. Лобачевской по домовладению Е. А. Аверкиева в 1792—1795 годах ни разу не указаны с ними дети П. А. Лобачевской. Это совершенно исключительное явление»;

г) оценивая вероятность того, что в одном и том же доме (С. С. Шебаршина) живут одна за другой (первая — в 1792—1795 гг., вторая — в 1798—1801 гг.) «регистратора Ивана Максимова жены Прасковьи Александровны, лета которых в исповеди расходятся на 2—3 года», Гудков получает ответ, что вероятность этого будет «не более $5 \cdot 10^{-8}$ ».

Замечу, что при рассмотрении «гипотезы о двух Прасковьях» Д. А. Гудков опирается только на известные ранее, в том числе и Б. В. Федоренко, документы.

Столь же подробно ученый рассматривает остальные гипотезы Федоренко. Остановлюсь только на некоторых:

1. К известным аргументам А. А. Андронова (см. [2, с. 46, 48]) в пользу того, что цитированная выше запись о рождении «приимыша Алексея» есть метрика А. И. Лобачевского, Д. А. Гудков добавляет новый. А именно: из выявленной им «Метрической книги церкви Н. Новгорода за 1795 год» [13], содержащей копии метрических записей 26 церквей (в том числе Сретенской и Алексеевской), следует, что во всех этих церквях в 1795 г. крещены всего три Алексея с отчеством «Иванович»: «приимыш» С. С. Шебаршина, сын прaporщика Ивана Михайлова (церковь Варвары) и сын «Нижегородской межевой канторы канцеляриста» Ивана Михайлова (Никольская церковь).

Мало того, Д. А. Гудков полагает, что обнаруженные метрические книги церквей Нижнего Новгорода за 1792 и 1793 гг. [14, 15] являются подкреплением известных ранее (см. [2, с. 41—43]) доказательств принадлежности Н. И. Лобачевскому метрики «Николая, сына Ивана Максимова», найденной И. И. Вишневским в 1929 г.

2. Приведя доводы (которые я опускаю) в пользу того, что Алексей Николаевич Лобачевский — сын С. С. Шебаршина, Д. А. Гудков переходит к «главной загадке биографии Н. И. Лобачевского», т.е. к вопросу об отце Николая Ивановича.

Опираясь: 1) на записи в книге исповедных росписей Сретенской церкви за 1791 г. [12, л. 22 об., 23] и выявленные Д. А. Гудковым консисторские копии [16]; 2) документы [17, л. 11—12] и [18, л. 16—17] о покупке Е. А. Аверкиевым весной 1791 г. домовладения в Алексеевском приходе и последующей продаже его за полцены С. С. Шебаршину; 3) аргумент «б» (см. выше) и приводя ряд других соображений, Д. А. Гудков утверждает, что «начиная с 1791 года И. М. Лобачевский не жил с Прасковьей Александровной и ее сыновьями». Учитывая, что в исповедных росписях Алексеевской церкви за 1799—1802 гг. Н. И. Лобачевский указан как «воспитанник» С. С. Шебаршина (см. [2, 6]), а также фрагмент письма И. И. Вишневского, приведенный ранее), Д. А. Гудков пишет: «...предположение о том, что Н. И. Лобачевский является сыном С. С. Шебаршина, переходит в уверенность». И далее: «Известно, что правильность гипотезы проверяется тем, как она работает в исследовании новых проблем. ...Наша точка зрения помогает разъяснить историю с крепостными С. С. Шебаршина—П. А. Лобачевской. <...>... Вполне удовлетворительно разъясняется и более сложная история с векселями»*.

Остановлюсь кратко только на последней истории. Гудков обосновывает предположение Приваловой, что векселя были «дутыми» (см. [3, с. 52]). Логика доказательства следующая. Во-первых, Д. А. Гудков приводит пример аналогичного случая, относящегося к тому же времени (см. [9, т. 23, с. 123]). Во-вторых, он считает, что первый вексель на 1500 рублей (огромная по тем временам сумма, в три раза превышающая стоимость всего имущества Шебаршина) был «дутый» и столь большая сумма «оберегала Прасковью Александровну от других наследников С. С. Шебаршина, которые, допускаю, поэтому и не обнаружились».

* См. выше четвертую гипотезу Федоренко.

В-третьих, исследователь полагает, что два других векселя (всего на 370 рублей) были «настоящими», т. е. денежными, и обеспечивали «по крайней мере часть наследства» и «более прочную позицию по первому векселю». В-четвертых, из выявленных Н. В. Анохиной и Б. М. Пудаловым документов [19, л. 227, 227 об; 20, л. 1] очевидно, что «для С. С. Шебаршина не в диковинку были различные вексельные операции». Наконец, в другом месте своей книги Д. А. Гудков исправляет неточную публикацию в [6] «Требования П. А. Лобачевской в счет вексельной претензии недополученного С. С. Шебаршиным жалованья» [21, л. 106—107 об]: вместо «ее по нем» (см. [6, с. 26, 12-я строка сверху]) следует читать «его по нем». В результате верного прочтения обнаруживается замечательная вексельная операция: «неплатежеспособный должник является сам за себя поручителем при покупке третьим лицом своих неоплаченных векселей!» Здесь Д. А. Гудков пишет: «Недаром А. А. Андронов воскликнул: «Эта Прасковьушка меня с ума сведет!» (По воспоминаниям Н. И. Приваловой)».

3. На основании метрики Александра [10, л. 118 об.] и аргумента «б», приведенного выше, Д. А. Гудков считает, что и Александр Лобачевский — сын С. С. Шебаршина.

4. Особое внимание уделяет Гудков вопросу «был ли И. М. Лобачевский обер-офицером?» Причины этого ясны из приведенного в начале статьи перечня выводов Д. А. Гудкова.

«Я убедился, что с помощью справочной литературы невозможно убедительно разрешить наши вопросы»*, — пишет Д. А. Гудков и в результате весьма кропотливого исследования доказывает, что И. М. Лобачевский не был обер-офицером. Приведу только самый убедительный из обнаруженных Д. А. Гудковым аргументов: в Указе от 3 ноября 1793 г. [9, т. 23, с. 469], в частности, говорится: «...от 2 августа 1736 года подтверждено, чтобы всех статских** служителей именовали теми статскими чинами, в которых они написаны, а воинскими б чинами, в которых те их статские чины находятся, отнюдь не именовали под опасением за преступление лишения чина...»

Что же следует прежде всего из признания того факта, что отцом Н. И. Лобачевского был С. С. Шебаршин? Во-первых, неверно встречающееся в литературе мнение, что «бедность и недостатки окружали колыбель Н. И. Лобачевского». Во-вторых, Сергей Степанович Шебаршин, наряду с Прасковьей Александровной, оказал влияние на становление характера Николая Ивановича Лобачевского. В связи с последним отмечу, что Д. А. Гудков, ссылаясь на исследования Б. В. Федоренко, напоминает, что С. С. Шебаршин «из солдатских детей», он окончил Московский университет, был геодезистом Сената, а затем странствовал по России в качестве землемера. В Нижегородской губернии он «снял города Нижний, Починок, Лукьянин. Сочинил планы... оных городов снял выгонные земли, снимал... большие дороги и оных карту сочинил», а также «снял город Макарьев, опрожектировал и урегулировал оный, разбил на кварталы, разделил оные по плану на дворы и в натуре дворовые места отвел и каждому двору план сочинил» [6, с. 292]. Следует также сказать, что Д. А. Гудков впервые публикует ряд документов, касающихся С. С. Шебаршина. Особенно интересен выявленный им «raport землемера Шебаршина о неправильных действиях землемера Возницаина» [22, л. 1—4], ярко показывающий характер С. С. Шебаршина, его честность, добросовестность, стремление к справедливости. Этот характер проявляется и в ответе Шебаршина на распоряжение губернского землемера сделать «каждому по своей округе» выписки из ведомости «о высочайше пожалованных разным чиновникам дворцовыми селениям»: «Я должностность несу землемерову, а не копейскую, когда мне доставлены будут выписки,

* Имеется в виду также вопрос, соответствовал ли в конце XVIII в. чин «коллежский регистратор» чину «подпоручик» и т. п.

** То есть невоенных.

то и внесу в свою ведомость. Землемер Сергей Шебаршин» [23, л. 74]. Интересна также (даже для изучения быта горожанина конца XVIII в.) впервые полностью публикуемая опись имущества С. С. Шебаршина [24, л. 31—32].

Я не буду останавливаться на других вопросах, рассматриваемых в книге, на впервые публикуемых в ней воспоминаниях Николая Николаевича Лобачевского. В заключение лишь отмечу, что Дмитрий Андреевич не считал исследование биографии Н. И. Лобачевского законченным. Он писал: «Для желающих я с удовольствием могу указать, какие вопросы нужно еще изучить и по каким, примерно, фондам...» Некоторые указания есть в его книге; возможно, более подробные обнаружатся в его личном архиве.

Список литературы

1. Александров П. С. [Рецензия] // Вестник АН СССР. 1945. № 4. С. 148—152. Рец. на: Каган В. Ф. Лобачевский. М.; Л., 1944.
2. Андronov A. A. Где и когда родился Н. И. Лобачевский // Историко-математические исследования (ИМИ). 1956. Вып. 9. С. 9—48.
3. Привалова Н. И. Дом, в котором родился Н. И. Лобачевский // ИМИ. 1956. Вып. 9. С. 49—64.
4. Модзялевский Л. Б. Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. М.; Л., 1948.
5. Федоренко Б. В. Некоторые сведения к биографии Н. И. Лобачевского // ИМИ. 1956. Вып. 9. С. 65—75.
6. Научное наследство. Т. 12: Новые материалы к биографии Н. И. Лобачевского / Сост. и авт. прим. Б. В. Федоренко. Л., 1988.
7. Дмитрий Андреевич Гудков (к семидесятилетию со дня рождения) // УМН. 1989. Т. 44. № 1. С. 223—0225.
8. Богодин С. И. Где и когда родился математик Лобачевский (по материалам Нижегородского краевого архивного бюро) // Нижегородская Коммуна. 1929. 26 сент. С. 4.
9. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
10. Государственный архив Нижегородской области (ГАНО), ф. 570, оп. 4, д. 1125.
11. ГАНО, ф. 1004, оп. 2, д. 16.
12. ГАНО, ф. 570, оп. 4, д. 1593.
13. ГАНО, ф. 570, оп. 559б, д. 394.
14. ГАНО, ф. 570, оп. 559б, д. 364.
15. ГАНО, ф. 570, оп. 559б, д. 379.
16. ГАНО, ф. 570, оп. 559а, д. 418.
17. ГАНО, ф. 177, оп. 766, д. 219.
18. ГАНО, ф. 177, оп. 766, д. 262.
19. ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 795.
20. ГАНО, ф. 4, оп. 1, д. 792.
21. ГАНО, ф. 162, оп. 106, д. 4.
22. ГАНО, ф. 60, оп. 232, д. 18.
23. ГАНО, ф. 829, оп. 675, д. 11.
24. ГАНО, ф. 5, оп. 40, д. 24.

Г. Е. ИЗОТОВ

К ИСТОРИИ ОПУБЛИКОВАНИЯ Н. И. ЛОБАЧЕВСКИМ СОЧИНЕНИЙ ПО «ВООБРАЖАЕМОЙ» ГЕОМЕТРИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с написанием и опубликованием двух работ Н. И. Лобачевского: сочинения «Exposition succincte des principes de la Géométrie avec une démonstration rigoureuse du théorème des parallèles»

(«Краткое изложение принципов геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных») на французском языке и сочинения «Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien» («Геометрические исследования по теории параллельных линий») на немецком языке.

* * *

Толчком к завершению создания Н. И. Лобачевским «воображаемой» геометрии и опубликованию им работ по этому новому разделу математики послужило не замеченное до сих пор предложение И. М. Симонова, зафиксированное в протоколе заседания физико-математического отделения философского факультета Казанского университета от 27 сентября 1825 г. Только что вступивший в должность «декан отделения господин и кавалер профессор Симонов предложил: а) об издании на французском и латинском языках ученых записок» [1, л. 1]. Среди пожелавших представить работы для опубликования был и Лобачевский, заявивший подачу «двух сочинений, относящихся до чистой математики» [1, л. 1], темы которых он не назвал. Срок подачи работ был установлен до 1 января 1826 г., «дабы возможно было... напечатать том сих сочинений к летнему собранию следующего года» [1, л. 2].

6 февраля 1826 г. Лобачевский обратился в Совет отделения с известным письмом, препровождающим его сочинение на французском языке «*Exposition succincte des principes de la Géométrie avec une démonstration rigoureuse du théorème des parallèles*» («Краткое изложение принципов геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных») (см. [2, л. 1]). Поступление работы было зарегистрировано 7 февраля, а 11 февраля, как записано в протоколе заседания отделения, «слушано было представление г. орд. проф. Лобачевского от 6 февраля сего года с приложением... сочинения на французском языке... о котором желает он знать мнение членов отделения» [3, л. 25]. Решено было «поручить разсмотрение сочинения г. г. профессорам Симонову, Купферу и адъюнкту Брашману и мнение свое сообщить Отделению» [3, л. 25]. Из формулировки в протоколе («слушано было представление... Лобачевского... с приложением... сочинения») естественно заключить: широко распространенное утверждение, что 11 февраля 1826 г. Лобачевский сделал доклад или прочитал сочинение, по крайней мере сомнительно.

11 февраля 1826 г. было начато «Дело по представлению г. проф. Лобачевского о разсмотрении его сочинения» на одном листе. Это — собственноручно написанное Лобачевским упомянутое выше представление. Внизу листа — помета секретаря Совета адъюнкта П. Васильева: «Слушано 1826 года 11 февраля ст. 1. Определено: поручить рассмотреть сочинение г. г. профессорам Симонову, Купферу и адъюнкту Брашману и мнение свое сообщить отделению» [2, л. 1].

В комментариях А. П. Котельникова к сочинению Лобачевского «О началах геометрии» читаем: «Попытки проследить результаты этой резолюции по протоколам Отделения физико-математических наук не увенчались успехом, и о дальнейшей судьбе рукописи ничего неизвестно» [4, с. 412]. Самого сочинения в деле нет — оно, видимо, было передано рецензентам, как это делалось в аналогичных случаях. Например, в протоколе заседания Совета отделения от 31 декабря 1824 г. записано: «...прислано сочинение проф. Симонова на французском языке под названием Опыт прямого способа интегрального изчисления и перевод сего сочинения. Поручается, разсмотрев сие сочинение, сказать свое мнение о достоинстве оного. Определено: поручить разсмотрение сего сочинения г. г. профессорам Лобачевскому и Купферу и свое мнение сообщить отделению. Для сего и препроводить к ним сочинение» [3, л. 4]. Заведено было дело на одном листе. Его судьба такова: «за неподачей от г. г. Лобачевского и Купфера мнения о сочинении г. Симонова» оно сдано в архив (см. [5, л. 21]).

Какова же судьба «Дела по представлению г. проф. Лобачевского о разсмотрении его сочинения»? В Центральном государственном архиве Республики Татарстан (ЦГА РТ) хранится «Дело о сдаче в архив дел по физ.-мат. отделению